

Я помню
её такой...

Михаил
Вострышев

Людмила
Зеликовская

Долгий свет звезды

Михаил Иванович Вострышев
Людмила Целиковская.
Долгий свет звезды
Серия «Я помню ее такой...»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7725716

Людмила Целиковская. Долгий свет звезды / Михаил Вострышев:

Молодая гвардия; Москва; 2016

ISBN 978-5-906861-15-3

Аннотация

Эта женщина была и остается легендой. Перед ней преклонялись друзья: Борис Пастернак, Петр Капица, Владимир Высоцкий... Ее безумно любили и были ее мужьями Михаил Жаров, Каро Алабян, Юрий Любимов. Но она оставалась такой же, как в юности, – веселой, вечно заботящейся о других, равнодушно смотрящей на свою всенародную славу. Загадочно в ней даже то, что при невероятной популярности она так и не получила звания народной артистки СССР, а первую награду, орден Трудового Красного Знамени, ей вручили только в 1991 году. Книга о Целиковской написана знаменитым литератором М. Вострышевым в тесном сотрудничестве с сыном кинозвезды. Долгими вечерами сын Людмилы Васильевны Александр рассказывал о том, какой же на самом деле была его легендарная

мать. Это не просто книга о ее незабываемых киноролях в фильмах «Антон Иванович сердится», «Сердца четырех», «Беспокойное хозяйство», «Попрыгунья», хотя, конечно же, и о них тоже. Прежде всего это рассказ о женщине, сумевшей и в трудные, и в счастливые минуты сохранить в кристальной чистоте свою душу, дружившей с самыми знаменитыми людьми советской эпохи и всегда остававшейся неповторимой.

Содержание

Предисловие	5
Астраханское крещение	7
Довоенные девочки	13
Вахтанговская школа	18
Начало войны	25
Рассказывает Павел Кадочников...	30
«Воздушный извозчик» на фронте	36
Михаил Жаров	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Михаил Вострышев Людмила Целиковская. Долгий свет звезды

Предисловие

Большинство читателей, которые возьмут в руки эту книгу, знают Людмилу Целиковскую исключительно как киноактрису, сыгравшую главные роли в фильмах «Антон Иванович сердится», «Сердца четырех», «Беспокойное хозяйство», «Попрыгунья», «Лес»... Кое-кто видел ее на сцене Театра имени Вахтангова в сороковые – восьмидесятые годы. И лишь совсем немногие друзья были посвящены в перипетии ее личной жизни, в сложные, подчас горькие повороты ее судьбы.

Будь Целиковская лишь актрисой, обладающей даром перевоплощения на сцене, а в остальном являясь ничем непримечательной женщиной, о ней и писать не стоило бы. Но в памяти людей, знавших ее, она осталась человеком, чей талант выходил далеко за рамки театрального искусства.

Целиковская представляла собой уникальную личность, впитавшую в себя лучшее из русской культуры XIX века. Ее мысли, особенности характера, поступки, о чем будет рас-

сказано на последующих страницах, настолько отличаются от шаблона, под который мы привыкли равнять всех артистов, что не перестаешь удивляться, как все это помещалось в хрупкой жизнерадостной женщине.

Несмотря на весь свой оптимизм, Целиковскую не оставляла досада: могла бы сделать больше и лучше! Она говорила: «Мне всегда кажется, что свою синюю птицу я так и не поймала. Начинаю новую роль и всегда надеюсь: вот сейчас я схвачу ее за хвост... Но вот прошло десять, двадцать спектаклей – и то же чувство неудовлетворенности: основного чего-то не сделала в жизни. Слово «никогда» становится самым обыденным, и формула человеческого бытия, предложенная Набоковым, – моим мироощущением: «Неизбежность, несбыточность, невозвратимость».

Многим эти слова прославленной актрисы покажутся странными и даже лукавыми. Но, познакомившись с ее жизнеописанием, читатели наверняка поверят в их искренность.

Астраханское крещение

Город Астрахань известен с XIII века. Двести лет спустя он стал столицей Астраханского ханства, а еще через сто лет вошел в состав Русского государства. Здесь, в дельте Волги, благодатном равнинном крае, сходились множество сухопутных, речных и морских дорог. Неуемных завоевателей, как магнит, притягивал к себе этот богатый рыбой и азиатскими товарами город, и, когда чувствовали свою силу, они грабили и разоряли его. Поэтому неудивительно, что после революции 1917 года Астрахань долгое время не оставляли в покое ни белые, ни красные.

Нерадостное выдалось время. Край заплонили дезертиры. Голодный народ роптал из-за продразверстки и время от времени убивал попадавшихся под руку военных. Военные, к какой бы стороне они ни принадлежали, мстили астраханским мужикам и бабам нещадно.

Народ грабили все, кто был с оружием в руках, и мирные люди насупились, улыбки теперь редко освещали их лица, большинство мучились одной-единственной думой – как заpastись на зиму хлебом и рыбой.

Особенно трудным оказался 1919 год. В Сибири – война с Колчаком, с севера – войска Деникина, с юга – Туркестанский фронт и военные действия на Каспии. В самой Астрахани красноармейцы устраивали новые порядки. Хотя вряд

ли подобное можно назвать порядком, если все помыслы начальства сосредоточены не на том, чтобы прокормить жителей, а лишь как удержать власть в своих руках.

7 сентября 1919 года появились декреты о заготовке для государства картофеля и «ненормированных продуктов», постановления об обеспечении продовольствием семейств красноармейцев и объявление: «Все астраханские продовольственные комитеты отныне считаются милитаризованными и обязаны снабжать всем необходимым Девятую армию С. Кирова».

Газеты полны жутких сообщений об арестах и расстрелах за торговлю водкой, спекуляцию, самовольное оставление службы. Ласковые слова сыпались лишь на головы бойцов заготовительных отрядов «за ускорение работы по изъятию излишков урожая 1919 года».

Говорить люди учились как бы заново, вставляя в свою речь диковинные слова – «реквизиция», «законы революционного времени», «саботаж». Власти объявили Неделю дезертира, во время которой, по их мнению, жители бросятся на поимку солдат, бежавших из Красной Армии. Заезжие революционные лекторы выступали перед голодными горожанами с докладами, прочитав одно название которых – «Как нас обманывает вера» или «Наш бог – мировая солидарность трудящихся», – астраханцы истово крестились.

Не странно ли, что в эти лютые дни на свет продолжают появляться дети? Юродивые и нищие пророчат, что всех их

ожидают вечная грусть и слезы проклятия за свою горемычную судьбу.

В одном из астраханских храмов совершается обряд крещения. Девочку, родившуюся 8 сентября 1919 года, нарекают славянским именем Людмила, что означает «людям милая».

И растекается по храму молитва:

Отче наш,
Иже еси на небесех!
Да святится имя Твое,
Да приидет царствие Твое,
Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли.
Хлеб наш насущный даждь нам днесь
И остави нам долги наша,
Яко же и мы оставляем должником нашим,
И не введи нас во искушение,
Но избави нас от лукавого.
Яко Твое есть царство, и сила,
И слава Отца и Сына и Святаго Духа
Ныне и присно и во веки веков.
Аминь.

Но откуда такие чистые голоса у молодых людей, пришедших на обряд крещения маленькой девочки Люси? Оказывается, собрались церковные певчие – друзья родителей новорожденной.

Отцу Люси, Василию Васильевичу Целиковскому, нет

еще и двадцати лет. Он родился 29 января 1900 года в семье церковнослужителя соседней Царицынской губернии и с шести лет пел в сельском храме. В десять лет стал учиться играть на скрипке в Астраханском музыкальном училище, одновременно подрабатывая певчим в церковном хоре. Знаменитая оперная певица, народная артистка СССР Мария Максакова вспоминала, что Вася Целиковский «пел вместе со мной в хоре и всегда дергал меня за косички». Наверное, это воспоминание относится к годам, предшествовавшим Первой мировой войне, потому что позже шестнадцатилетний Василий уже числится регентом церковного хора и в новой должности ему, конечно, были непозволительны подобные шалости.

В 1915 году он впервые выступил в качестве дирижера в Астраханском драматическом театре. Вскоре после рождения дочери создал хор и оркестр при Каспийском флоте, а в 1923 году уехал учиться в Московскую консерваторию. Окончил ее он в 1930 году и к этому времени уже руководил симфоническим оркестром Центрального дома Красной Армии, откуда в 1934 году перешел в Большой театр заведующим музыкальной частью.

Дальнейшая его жизнь проходит в отрыве от первой семьи. Он создает оркестр в Киргизском драматическом театре, вступает во второй брак с Нурие Александровной Марковой. После войны от третьего брака у него родилась дочь Надя. Василий Васильевич работает на Всесоюзном радио,

а потом, до самой своей кончины, которая наступила 5 февраля 1958 года, служит начальником Отдела музыкальных учреждений Министерства культуры СССР.

Василий Васильевич, хоть и редко в последние годы своей жизни, встречался с первенцем Люсей, продолжал любить дочь, переписывался с нею, и через него иногородние родственники передавали ей приветы и свои восторги от просмотра картин с ее участием.

Мать Люси, Екатерина Лукинична, ровесница мужа, тоже некоторое время училась в Московской консерватории, окончила вокальную студию при Большом театре и пела заглавную роль в опере «Снегурочка». Она обладала красивым сопрано, но рано ушла со сцены и сменила театральные подмостки на кухонную плиту, превратившись в чудесную домашнюю хозяйку. До конца своих дней (умерла в 1982 году) она прожила рядом с дочерью, кормила своими замечательными борщами и пирогами многочисленных гостей Люси, вынянчила внука Александра и правнука Каро.

«Все чаще сейчас вспоминаю свою маму, – незадолго до смерти признавалась Людмила Васильевна. – У нее был чудный голос, но обстоятельства сложились так, что консерваторию ей пришлось оставить и стать домашней хозяйкой. У мамы была своя теория воспитания. Очень простая. Она считала, что детей надо ласкать и баловать.

У меня был свой мир, и это заслуга мамы, ей я обязана практически всем. Мы с ней часто

ходили к храму Христа Спасителя. Гуляли, играли в цифры, запахи, ассоциации. Мама называла цифру, а я говорила, что она мне напоминает. Двадцать пять – это был большой именинный пирог, семь – беспризорник. Почему? Не знаю – беспризорник, и все. Я жила как бы «на табуреточке», на которую ставят детей, когда они собрались читать стихи. В семье существовал свой уклад. На Пасху в церковь ходили, в пост постились».

Екатерина Лукинична и в молодые, и в старые годы отличалась завидным гостеприимством и веселым характером. Несказанно любя свою единственную дочь, гордясь ею, она никогда не впадала в ханжескую высокопарную хвалу, относилась к славе Люсеньки с долей иронии и нередко весело вышучивала ее обожателей. Дочь переняла эту черту характера мамы и научилась подсмеиваться над собой и своей популярностью.

Довоенные девочки

В 1925 году Люся с мамой перебрались из Астрахани к отцу в Москву. Они поселились на одной из Мещанских улиц. Говорят, переезд был связан с болезнью Люси и советами врачей сменить климат, хотя вряд ли климат сырых московских коммуналок кому-нибудь шел на пользу. Но на хорошие жилищные условия рассчитывать не приходилось. Отец – студент, мать тоже стала студенткой, помощи ждать не от кого. Люсю за бедность даже дразнили во дворе: «Людка Целиковская пьет чай из чугунка!»

Но Людка не унывала, она почти с пеленок мечтала стать актрисой и не дожидалась помощи доброй феи, а сама пробивала себе дорогу.

«Будучи школьницей, я всегда принимала участие во всех самодеятельных концертах и праздниках в школе, а порой даже и организовывала спектакли. Помню, как однажды летом в каникулы, живя на даче, мы поставили для наших пап и мам известную детскую сказку Перро «Красная Шапочка», а потом по желанию публики повторили ее несколько раз для окрестных дачников. Очевидно, это было поэтично, потому что спектакль шел на фоне настоящего леса и играли в нем артисты от пяти до восьми лет».

Какая судьба ждала девчонок, родившихся в первые по-

слереволюционные годы? Отучиться положенное число лет в школе и стать метростроевцем, трактористкой, ткачихой, в лучшем случае учительницей или машинисткой в плодившихся как на дрожжах учреждениях и конторах. Почти никто не выбирал свою судьбу, партия решала за людей, куда их лучше в данный момент загнать.

Еще жена богатыря Потыка, хоть и числилась королевой, жаловалась:

Нас куда ведут, мы туда идем,
Нас куда везут, мы туда едем.

Советские годы в этом смысле мало отличались от былинных. Ровесницам Люси Целиковской предстояло забыть о беззаботном детстве и стать во второй половине тридцатых годов участницами борьбы за выживание. Именно в то время в большом количестве стали появляться статьи и книги, где с революционным пафосом декларировалось назначение женщины, вернее, ее разновидности – советской женщины. «Они, – по словам Сталина, – составляют громадную армию труда».

Молодым девушкам предлагали влезть в бесформенные рабочие робы и забыть, что они принадлежат к прекрасному слабому полу. А как хотелось быть красивыми и любимыми! Быть похожими на Веру Холодную, блиставшую в кинематографе еще в дореволюционные годы, или хотя бы на товари-

ща Коллонтай, ставшую первой в мире женщиной-послом. Увы, подобная судьба выпадает совсем немногим. Большинству по призыву партии придется молотить, сверлить, грузить и лишь ночью в девичьих снах видеть себя похожими на Любовь Орлову.

Уже в зрелые годы на вопрос: «Что бы вы сделали, если бы были мужчиной?» Целиковская ответит:

«Прежде всего я отняла бы – извините, отнял бы – лом у женщины, что колет лед возле нашего дома, и больше никогда не подпустила бы ее к этому орудию производства. Как и к другим столь же «изящным» операциям. В этот же день я провозгласила бы долгожданное неравноправие между мужчинами и женщинами, окончательно закрепив за первыми право посвящать женщинам жизнь, а за вторыми – право благосклонно этим пользоваться».

Увы, большинство мужчин, особенно из тех, кто привык заседать, утопая в мягких креслах, не в силах понять этих простых слов русской женщины.

Люсе удалось стать исключением в среде своих сверстниц. Во многом благодаря родителям – оба они обладали от рождения идеальным музыкальным слухом и передали свои способности дочери. К тому же были астраханцами, жителями города, подарившего стране таких замечательных певиц, как Валерия Барсова, Мария Максакова, Тамара Милашкина.

В родительском доме всегда господствовала музыка, день

начинался и кончался с песней. Оттого Люся гораздо раньше выучила ноты, чем алфавит, научилась петь прежде, чем считать. Путь ее был определен самой природой – посвятить себя гармонии звуков. Семь лет она проучилась на фортепианном отделении Детского музыкального техникума имени Гнесиных. Конечно, многие его выпускники терпели крах, будучи не в силах никуда устроиться, кроме заведующего самодеятельностью в сельском клубе. Но она же училась не только в техникуме, а с раннего утра и до позднего вечера жила в мире музыки. Она вставала с постели под лирическое сопрано мамы, с песней хлопотавшей по хозяйству; она читала школьные учебники под музыку скрипки, виолончели или рояля, на которых играл папа. Василий Васильевич разрешал дочери забегать к нему на работу. Одно из любимых детских воспоминаний Люси – отец дирижирует оркестром в саду ЦДКА, а она ударяет в литавры в финале Четвертой симфонии Чайковского.

«Моими педагогами были Михаил Фабианович и Елена Фабиановна Гнесины. Когда я училась, институт назывался музыкальным техникумом. А к нам домой часто приходили консерваторские педагоги отца: Ипполитов-Иванов, Глиэр, Голованов, Самосуд. Да я, собственно, и выросла в оркестре. Родители брали меня с собой (отец тогда учился в консерватории и оставить меня было не с кем), и меня даже спать укладывали в оркестре».

Поступление Целиковской в училище при Вахтанговском театре и приглашение на съемки в кино – не случайность, а закономерность, predetermined всей предыдущей жизнью. Люся не смогла стать пианисткой – рука оказалась миниатюрной, маленькие пальчики не могли соперничать в быстроте с руками профессионального маэстро. И Люся решила: буду артисткой! Недаром же она с детских лет любила изображать других, часто с подружками разыгрывая на улице прохожих и смеясь потом над ними. «Я – клоун!» – гордо заявляла Люся.

Вахтанговская школа

Московские старожилы с щемящей грустью вспоминают довоенный Старый Арбат с его доходными домами начала XX века, купеческими и дворянскими особняками, звонким трамваем, с 1904 года катавшим изумленных пассажиров взад-вперед между Арбатской и Смоленской площадями.

В середине Арбата стояло серое одноэтажное здание с колоннами, бывший особняк Берга, возле которого трамвай останавливался и кондуктор объявлял: «Театр имени Вахтангова!»

Еще в 1914 году организовали Студенческую театральную студию, которую позже переименовали в Вахтанговскую школу. В 1932 году она получила статус среднего специального учебного заведения. Выпускала Вахтанговская школа не более 15–20 человек в год. Но каких!.. Р. Симонов, Б. Захава, Ц. Мансурова, Д. Журавлев, И. Толчанов, Б. Щукин, В. Яхонтов, А. Грибов, А. Орочко, А. Степанова...

Во главе Вахтанговской школы, которой в 1939 году было присвоено имя недавно умершего Б. Щукина, полвека, до своей смерти в 1976 году, стоял Б. Захава.

Когда в 1937 году семнадцатилетняя Люся Целиковская, из-за своего небольшого роста, худобы и наивных голубых глаз скорее похожая на четырнадцатилетнего подростка, поступала в театральное училище, в Вахтанговском театре ра-

ботал выдающийся актер и режиссер Рубен Симонов.

«Мне исполнилось шестнадцать лет, когда мама через свою подругу Анечку Бабаян, которая училась у Р. Н. Симонова в Армянской студии, привела меня в Левшинский переулок, где жили вахтанговцы, а в квартире № 13 – Рубен Николаевич. Я трепетала, как осинový листок: и росточку маловато, и была я в ту пору щупленьким, бледным и невзрачным подростком. Дрожащим голосом произнесла: «Сон Татьяны» из четвертой главы «Евгения Онегина», – и на вопрос Рубена Николаевича, люблю ли я петь, жалобно промяукала: «Над ручьем, меж ветвей пел залетный соловей...» Слава богу, за плечами были семь лет учебы в Гнесинской школе по классу фортепиано, поэтому хоть аккомпанемент мой на рояле звучал громко. И вот в разгар моего «выступления» я случайно подняла глаза и... увидела в стекле над дверью чье-то смеющееся лицо с черной челочкой. Я в ужасе остановилась и прошептала: «Нас, кажется, подслушивают!» В ответ раздались хихиканье и грохот падающих табуреток – это спрыгнул со своего наблюдательного пункта сын Рубена Николаевича, Женя. Так навсегда судьба меня связала с семьей Симоновых, с Театром имени Евг. Вахтангова...

Поступала в Училище имени Б. В. Щукина осенью, когда Рубена Николаевича не было – он отдыхал в Барвихе. Помню только, что после чтения обязательной прозы, стихотворения и басни кто-то из комиссии (а у меня от страха в глазах было «серо», мне показалось,

что все члены комиссии были одеты в одинаковые серые костюмы) спросил: «С кем вы готовились к экзаменам?» Я сказала: «С мамой». В ответ – дружный хохот. А на вопрос, как меня зовут, я сказала: «Людмила Васильевна». Комиссия развеселилась еще больше, а у меня от обиды брызнули слезы из глаз, и я убежала, твердо поняв, что уж актрисой мне никогда не стать. В это время следом за мной выбежал Дима Дорлиак, один из самых красивых молодых артистов театра, и, успокаивая меня, сказал: «Не волнуйтесь, вы понравились. Это у нас в театре так принято «принимать» – с юмором и смехом. Нате, вот вам платок, вытрите слезы!»

Господи! Что со мной было! Я была как во сне. Сам знаменитый Клавдио из «Много шума из ничего» и Люсьен из «Человеческой комедии» (спектакли Театра им. Евг. Вахтангова) дал мне свой платок!

На следующий день, прибежав в училище рано-рано, когда вход в здание на улице Вахтангова, 12 еще был закрыт, и, прождав около часу, я наконец увидела свою фамилию в числе тринадцати принятых. Да, я не ошиблась, тогда нас было принято только тринадцать человек.

Начались годы учебы – с радостью, огорчениями, удачами и провалами».

Судьба улыбнулась Люсе. Говорят, вместе с ней поступали шестьсот человек. Но даже если эта цифра преувеличена, все равно зачисление в училище – это не только признание

способностей молоденькой девушки, но и удача.

Из однокурсников Люси ни один, кроме нее, не стал известным артистом. Что же таилось в ней с юных лет? Великий талант перевоплощения? Вряд ли, он приходит с годами, после долголетнего актерского труда, когда наступит понимание всех тонкостей сложного и противоречивого характера человека. Скорее, она обладала с первых шагов в театральном мире талантом оставаться самой собой – она не играла, а жила на сцене. Студенты с других курсов бежали взглянуть на эту юную барышню с лучистыми глазами, смешливую и чертовски симпатичную.

В первые годы постсоветского режима, спрятавшись под маской «свободы слова», мы в пух и прах расчихвостили конец 30-х годов. Псевдоисторики, выдергивая из многоликой жизни лишь подтверждающие их теорию факты, пытались растолковать своим соотечественникам, что все они поголовно жили в те годы в постоянном страхе за свою судьбу, все походили на удрученных тяжелой болезнью людей или маниакальных сталинистов.

«Я никогда не забуду, как мама в нашей большой коммуналке вымыла полы на кухне и застелила их газетами. Пришла соседка, старая большевичка, окинула взглядом все подмокающие на полу портреты и передовицы и сказала: «Я это так не оставлю! Надо писать!» Как нам было страшно... Мама стояла перед ней на коленях и плакала.

Но самое удивительное, что при всем этом (а я

думаю, что подобные вещи происходили тогда чуть ли не в каждом доме) никто не переставал верить, что «жить стало лучше, жить стало веселей». Не переставали, даже когда у нас на 1-й Мещанской половина квартир опустела... Я стала сомневаться, что в те годы «жить стало лучше», поздно. Со мной это произошло и не после войны, и даже не после XX съезда. Позже... Когда вернулась Зоя Федорова и на ней была надета мужская майка с чулками, пришитыми вместо рукавов. Когда за моим столом сидел знаменитый пианист Цфасман и у него на пальцах не было ногтей...»

Во все времена окружающий людей мир был сложнее и интереснее, чем схемы, предложенные не без задней мысли политиками следующих поколений. Люся радовалась жизни, хотя и ей приходилось зубрить сталинский «Краткий курс ВКП(б)» и отвечать на вопросы о непреходящем значении метода социалистического реализма. Но все это была просто «обязаловка» – выучил, ответил и больше никогда не вспоминаешь. «Обязаловка» никогда не была предметом дружеских бесед. Люся не мерила людей идеологическими категориями, для нее все вокруг, если они не совершали гадостей по общечеловеческим меркам, оставались хорошими и талантливыми. Она со всей страстью молодой души пела, танцевала, била по сцене каблуками в массовках, влюблялась и разлюбливала. Артистический труд репетиций человеку со стороны тоже кажется забавой, поэтому Люсю многие при-

нимали за Попрыгунью Стрекозу, которая не задумывается о зиме (кстати, до неприятного жестока мораль этой басни Крылова). Но много ли найдется молодых людей, которые серьезно задумываются о будущем в восемнадцать лет, просчитывают варианты своего материального благополучия или благоразумной семейной жизни?..

Восемнадцатилетняя голубоглазая Люся могла бы, будь она практичным человеком, очаровать и выйти замуж за известного режиссера или крупного чиновника, как и поступали некоторые ее сверстницы, даже не имевшие ее неотразимых женских чар.

Она же на втором курсе выскочила замуж за четверокурсника Юрия Алексеева-Месхиева, сына провинциальной актрисы. Вскоре они расстались, и вновь Люся решается на «нерасчетливый брак» – с малоизвестным писателем Борисом Войтеховым. Он тоже длился недолго и распался в начале Отечественной войны.

Главным для Люси все годы учебы оставалось – стать настоящим профессиональным артистом. Ее труд заметили, и еще студенткой она была зачислена в труппу Вахтанговского театра. Одновременно ей сопутствовала удача и в кинематографе. Уже в 1938 году Люся сыграла свою первую роль – пионервожатую Валу в фильме «Молодые капитаны». Год спустя ей предложили попробовать себя на роль Шуры Мурашовой в фильме «Сердца четырех» (фильм вышел на экраны уже после войны), а в 1940 году она сыграла Симочку Воро-

нову в кинокомедии «Антон Иванович сердится».

«Помню, что Б. Е. Захава, ректор училища, справедливо возражал против съемок, но тут опять вступился Р. Н. Симонов (он почему-то у меня ассоциируется с отцом-оленьем Бэмби – этот большой гордый олень с мерцающими глазами появляется в мультфильме «Бэмби» режиссера Диснея только в экстремальные моменты жизни молодого олененка-сына). Он сказал: «Целиковская должна сниматься в кино, у нее есть для этого данные».

Начало войны

«Война застала меня на съемках фильма «Антон Иванович сердится» в Ленинграде. Помню затемненный город, суровые, сосредоточенные лица, почти незамолкающие звуки сирен. Тревога! Поминутно приходилось прерывать съемку (фильм уже подходил к концу). Было начало августа. Я должна была сдавать последние экзамены в Щукинском училище. Поездки в Ленинград и обратно в Москву становились все труднее и труднее. Наконец, после очередных слез, я отпросилась у режиссера фильма А. В. Ивановского и поехала из Ленинграда в Москву уже военным эшелоном, в теплушке, вместе с воинской частью. Это был один из последних эшелонов. Ехали долго, дней пять – шесть, с остановками. Ребята охотно делились со мной своим солдатским пайком, а я ночью потихоньку плакала о доме, о маме, об училище. И наконец-то Москва, дом, Театр имени Евг. Вахтангова, разбомбленный еще в июле, ровно через месяц после нападения гитлеровцев.

Вспоминаю всю эту ночь как бы в красном свете – бомба попала в мой театр. Большинство из нас находились в это время в бомбоубежище под нашей столовой. Бомба упала в 2 часа 10 минут ночи. Помню, что сильно ударило, сразу погас свет, и сразу тишина, потом плач детей, какие-то крики, и через проем

пробитой стены вдруг свет карманного фонарика. Стали приносить раненых – тех, кто дежурил на крыше и в вестибюле театра. А мы, студенты, прошедшие до этого ускоренный курс первой медицинской помощи, растерялись. Что делать? Как помочь, когда из головы фонтаном бьет кровь? Это чувство я не забуду никогда. К счастью, быстро подоспела врачебная помощь.

Когда наступил рассвет, мы узнали, что погибли наши товарищи, дежурившие наверху, и в их числе замечательный актер и один из основателей театра Василий Васильевич Куза.

Театр еще дымился, ветер далеко уносил клочки бумаг, афиш, фотографий...

Мы стояли около пепелища ошеломленные, потрясенные, впервые столкнувшись с войной так близко.

По решению правительства Театр имени Евг. Вахтангова был отправлен в эвакуацию в Омск. Меня, еще не получившую диплом, зачислили в труппу театра, и я поехала вместе с коллективом театра в Сибирь.

Уезжали мы из Москвы 14 октября 1941 года. На сколько? Верили, что на несколько недель, месяцев, ну, может быть, на год. Но война распорядилась иначе...»

К концу первого года войны на экраны страны вышла кинокомедия «Антон Иванович сердится» (между прочим, один из первых советских фильмов, реабилитировавший в лице Антона Ивановича дореволюционную интеллигенцию). Особенно фильм пришелся по вкусу фронтовикам, которые

по горло были сыты «окопной правдой» и хотели видеть на экране не взрывы мин и пулеметные очереди, а счастливых девчонок, чтобы потом перед сном в сырой землянке мечтать: если бы не война, какая-нибудь красивая проказница, вроде Симочки Вороновой, могла бы полюбить их.

Летчики, сражавшиеся с врагом в небесных просторах, встретив в Новосибирске одного из героев фильма «Антон Иванович сердится» Павла Кадочникова, признавались ему:

– Это самая военная картина. В ней показаны наша мирная жизнь, музыка, любовь, ради которых мы и воюем.

Сюжет фильма прост, как и положено в комедии, рассчитанной на массового зрителя. Старый музыкант, энтузиаст и страстный поклонник классической музыки (что-то общее с В. В. Целиковским!) Антон Иванович возмущен увлечением дочери Симочки легкой музыкой и опереттой (а это уже Люся Целиковская!). Он настойчиво требует, чтобы дочь занималась только классической музыкой. В конце фильма старый музыкант убеждается, что все жанры искусства хороши, если воплощены творчески и талантливо.

Фильм пресса замалчивала. Чиновники были уверены, что солдатам нужны от кинематографа «ценные военно-учебные пособия», рекламировали малопригодную даже в учебных целях киноленту «Рукопашный бой». Похвалы идеологических работников сыпались и на посредственные фильмы о советских героях: «Во имя родины», «Непобедимые», «Иван Никулин – русский матрос». Что ж, смотре-

ли на фронте и это – какой-никакой, а все же отдых. Если не нравится, можно закрыть глаза и повспоминать милую довоенную жизнь. Но зато затаив дыхание все любовались на экране красивой девушкой Симочкой, которая не выступала с пламенными речами на партсобраниях, не надрывалась, выполняя в колхозе от восхода до заката непосильную мужицкую работу, а смеялась, танцевала, пела, влюблялась. Эта была та жизнь, о которой мечтал каждый и которую невозможно вытравить из нормального человека ни политзанятиями, ни партийными газетами, ни трудовыми пятилетками, ни даже войной. Люся Целиковская оказалась сильнее идеологии, на которую работали сотни тысяч чиновников и добровольных агитаторов, она побеждала в одиночку, потому что светилась жизнью, а от них веяло невыразимой скукой и ложью.

«В начале сороковых годов на экраны нашей страны, – вспоминает Александр Граве, – взошла новая звезда, не похожая на других, – Людмила Целиковская. Между собой могли соперничать Тамара Макарова, Елена Кузьмина, Валентина Серова... Люся была вне конкуренции, похожих на нее в кино не существовало. Она стала эталоном для подростков того времени, и в первую очередь посмотреть на нее бежали в кинотеатр девчонки, которым очень не хватало в те тяжелые годы человеческой теплоты и беззаботного веселья».

После выхода на экраны страны фильма «Антон Иванович сердится» за Целиковской

утвердилось амплуа комедийно-лирической героини. В картинах «Сердца четырех», «Воздушный извозчик», «Близнецы», «Беспокойное хозяйство» она, конечно с оговорками, тоже играла саму себя. Зритель привык к этой задорной девчонке и не представлял, что она может быть иной. Не представляли ее иной, к сожалению, и большинство кинорежиссеров.

Вместе с Вахтанговским театром в эвакуации в Омске Целиковская пробыла недолго. Режиссер Л. Трауберг правительственной телеграммой вызвал ее в Алма-Ату на съемки «Воздушного извозчика».

Рассказывает Павел Кадочников...

В начале 1941 года режиссер Александр Викторович Ивановский начал снимать на «Ленфильме» комедию «Антон Иванович сердится». Мне была поручена одна из главных ролей – я играл молодого композитора Мухина, человека рассеянного, немного смешного и очень трогательного. Как на грех, в моего героя, склонного к легким жанрам, влюбилась профессорская дочь Симочка, в которой Антон Иванович – профессор консерватории, почитатель Баха и Бетховена, Глюка и Генделя – воспитывает любовь к классической музыке, ревниво оберегая ее от легкой музыки и джаза. Так возникал конфликт – борьба сторонников серьезной и легкой музыки.

В картине было много забавных ситуаций. Вызывали улыбку чудака-профессор Антон Иванович (Н. Коновалов), злобствующий «композитор» Керосинов (его прекрасно сыграл Сергей Мартинсон), сочиняющий «физиологическую симфонию в четырех пароксизмах», которая в итоге оказывается не чем иным, как вариацией шуточной песенки «По улицам ходила большая крокодила»... Музыку к фильму писал композитор Дмитрий Кабалевский – он создал не только удивительно смешные опусы Керосинова, но и очаровательную музыку Мухина.

«Антон Иванович сердится» – жизнерадостная, веселая

комедия. В ней звучала умная, хорошая мысль, выразившаяся в словах приснившегося Антону Ивановичу Баха: «Неважно, какой музыкальный жанр, а важно – талантлива музыка или нет, будь она серьезная или легкая». Эти слова говорил и мой герой Алеша Мухин – они как бы высвечивали его характер, помогали мне в работе.

Война для меня началась так же, как и для всех. Неожиданно, солнечным летним днем. Накануне мы снимали «Антон Иванovichа», один из последних эпизодов. Потом, помнится, сразу отправились с женой в ТЮЗ, где были заняты в «Сказках Пушкина». Вернулись в тот вечер домой поздно. А утром решили позавтракать в Летнем саду. Утреннее солнышко предвещало чудный выходной. Но на душе было почему-то мрачно, и лица немногочисленных прохожих были какими-то неулыбчивыми, невоскресными. Казалось, даже трамваи как-то не так громяхают и звоночки их глуше обычного. Вот тогда, еще ничего не зная, я впервые ощутил атмосферу войны – ведь мы просто-напросто проспали, не слышали утреннего сообщения. Но оно прозвучало вновь, объяснив нам наши ощущения, наше состояние в то утро.

Я помчался на студию. В одном из павильонов застаю такую картину. Сидит Людочка Целиковская, уткнув лицо в ладони, в голос рыдает, а над ней склонился наш режиссер Александр Викторович Ивановский, милейший человек, создатель прославленной «Музыкальной истории». Люда подняла голову и сквозь слезы спросила с какой-то тайной дет-

ской надеждой:

– А может, это ошибка, неправда?!

– Это не ошибка! – сказал Ивановский.

Он хотел успокоить Людочку. Но он не мог лукавить – он был мудрым человеком, и его слова оказались пророческими:

– Эта война будет очень долгой и страшной. И не на жизнь, а на смерть. Мы будем воевать с одной из самых сильных армий мира. И, поверьте мне, душа моя, мы победим, обязательно победим!

Этот эпизод крепко врезался мне в память, и по сей день с ним ассоциируется начало войны.

А первая встреча с Людмилой Васильевной была незадолго до этого на съемочной площадке. Ивановский искал исполнительницу на роль Симочки, говоря, что это должна быть как будто бы юная Любовь Орлова.

И вот передо мной предстало очаровательное юное создание. Никаких проб у нас не было, мы оба сразу были утверждены и тотчас приступили к съемке. Первую же сцену знакомства мы играли импровизационно, и получилось, как все признали, очень натурально, потому что мы и впрямь не знали друг друга, робели и слегка заикались. Но очень скоро я смог оценить, какой живой человек, какая живая партнерша мне досталась. С подобной контактностью, непосредственностью, внутренней пластикой и чуткостью актерских реакций мне довелось встретиться еще только раз – в совмест-

ной работе с Людмилой Касаткиной. Ну а волшебная музыкальность Людмилы Целиковской покорила всех в съемочной группе, а потом и миллионы зрителей.

Кстати, о ее музыкальности. Не могу не вспомнить – забегая несколько вперед, в послевоенные времена! – как в одной из зарубежных поездок мы, по счастью, оказались вместе с Людмилой Васильевной. Это была Вена. В доме, где жил Моцарт, нам показали клавесин, на котором в юности играл гениальный маэстро. Пользоваться инструментом не разрешалось никому, клавесин хранился как строго музейная вещь. Но для очаровательной русской актрисы сделали исключение. И никто – ни хозяева, ни мы, члены делегации, – не пожалел об этом. Целиковская стала играть ранние моцартовские вещи с таким вкусом, мастерством и изяществом, словно готовилась к этому импровизационному концерту всю жизнь.

И снова память возвращается к фильму «Антон Иванович сердится». Он вышел на экраны в первые месяцы войны.

Мне рассказывали, как смотрели нашу «невоенную» комедию солдаты-фронтовики в короткие минуты между боями. Увидев на экране белые колонны и сверкающие люстры Ленинградской филармонии, оживленные улицы, парки и сады города, люди вспоминали свое недавнее счастливое прошлое, и у многих на глазах были слезы. Комедия вызывала ненависть к врагу и веру в победу. Через много лет я прочел у Ольги Берггольц, в ее книге «Дневные звезды», строки,

посвященные нашему фильму «Антон Иванович сердится»:

«У нас, в Ленинграде, перед самой войной должна была пойти музыкальная кинокомедия под таким названием, и потому почти к каждому фонарному столбу прикреплена была довольно крупная фанерная доска, на которой большими цветастыми буквами было написано: «Антон Иванович сердится». Больше ничего не было написано. Кинокомедию мы посмотреть не успели, не успели снять в первые дни войны и эти афиши. Так они и остались под потушенными фонарями до конца блокады.

И тот, кто шел по Невскому, сколько бы раз ни поднимал глаза, всегда видел эти афиши, которые, по мере того как разворачивались война, штурм, блокада и бедствие города, превращались в некое предупреждение, напоминающее громкий упрек: «А ведь Антон Иванович сердится!» И в представлении нашем возник какой-то реальный, живой человек, очень добрый, но все понимающий, ужасно желающий людям счастья и по-доброму, с болью сердившийся на людей за все те ненужные, нелепые и страшные страдания, которым они себя зачем-то подвергли».

Здесь некоторая неточность. Картину видели и в самом блокадном Ленинграде, и на фронте, который оборонял город и отстоял его. И она в первые же месяцы приобрела всесоюзную популярность. Прежде всего, думаю, благодаря Людмиле Целиковской. О ней меня расспрашивали везде, где доводилось бывать, разъезжая по военным городам и ве-

сям.

«Воздушный извозчик» на фронте

В Алма-Ату осенью 1941 года были эвакуированы киностудии «Мосфильм» и «Ленфильм». Прилетевшую осенью 1942 года в столицу Казахстана Люсю Целиковскую поразила своей необычностью этот удивительный азиатский город, совсем не похожий на четыре города, которые знала до сих пор: Астрахань, Москву, Ленинград, Омск.

«Представьте: неправдоподобно синее небо, город лежит в котловане, кругом горы Ала-Тау, которые, в зависимости от времени суток, меняют свой цвет, становясь то черными к ночи, то розовыми и золотыми по утрам. Эвкалипты и акации на чистеньких, как бы умытых улицах, стоят красные, желтые, багряные, и горы, буквально горы знаменитых алма-атинских яблок апорт, величиной с детскую голову. Горы риса на базаре, и наверху сидит владелец в ярком национальном костюме, складывая деньги в мешок. Меня, жителя севера, ошеломило это изобилие и фруктов, и красок, и гортанного говора. Первое время я находилась будто в сказке «Тысячи и одной ночи».

В Алма-Ате в годы войны шли съемки киноальманахов для фронта и большинства художественных фильмов. Здесь, кроме известных всей стране режиссеров и актеров, на улице можно было встретиться с Константином Паустовским, Га-

линой Улановой, Виктором Шкловским.

Здесь Люся познакомилась с Михаилом Зощенко, числившимся сценаристом при «Ленфильме».

«Его тогда уже не печатали, и он зарабатывал на жизнь изготовлением туфель на деревяшках. И при всем том всегда был подтянут, прекрасно одет, чисто выбрит. Очень красивый мужественный человек, с достоинством переносивший все тяготы судьбы».

Люся, на вид еще девчонка, чуть ли не школьница, хоть второй раз была замужем, вынуждена была, как и другие актеры, сниматься в холодном павильоне, когда изо рта шел пар. Часто приходилось работать на съемочной площадке по ночам, так как днем городу не хватало электричества.

Сценарий «Воздушного извозчика» писатель Евгений Петров писал специально в расчете на Целиковскую, которая исполняла главную роль молодой актрисы Наташи Куликовой. На роль ее партнера, летчика Баранова, взяли опытного киноактера Михаила Жарова, снявшегося к этому времени уже более чем в двадцати фильмах.

Картину закончили к концу весны 1943 года, отправили в Москву и стали с нетерпением ждать «высочайшего решения».

Наступило лето 1943 года. Председатель Комитета по делам кинематографии И. Г. Большаков вызвал из Алма-Аты в Москву Михаила Жарова и Людмилу Целиковскую, приказав захватить экземпляр киноленты «Воздушный извозчик».

– Фильм мы одобряем, – объявил добравшимся до столицы артистам Большаков. – Будете выступать на премьере.

– А когда премьера? – задала вопрос радостная Люся.

– Еще не обсуждали. Придется вам подождать. Можете пока, если у вас есть с чем, выступить перед москвичами.

– Иван Григорьевич, – осмелился внести предложение Жаров, – сейчас война, наши бьют фашиста. Хорошо бы устроить премьеру не в столичном кинотеатре, а на фронте.

Большаков задумался. Подобного еще не бывало. Но мысль дельная, ничего идеологически вредного в ней не прослеживается, и она даже может понравиться руководителям страны. Вот только надо согласовать с Политуправлением.

– Мы об этом подумаем, – кивнул он артисту. – Пока отдыхайте, но по вечерам обязательно возвращайтесь в свои гостиничные номера и ждите телефонного звонка.

Оставшись один, Большаков тотчас созвонился с Политуправлением и уже через полчаса вез туда «Воздушного извозчика».

– Игриво, очень уж игриво, – заметил после просмотра один генерал.

– На войне так не бывает, – поморщился другой.

– А по-моему, для фронтовиков в самый раз. Пусть отдохнут от настоящей войны, – не согласился с коллегами по штабу третий генерал, тайно влюбленный в Целиковскую еще с сорок первого года после просмотра фильма «Антон Иванович сердится».

Третий генерал по должности стоял на ступеньку выше первых двух, поэтому его голос стал решающим.

В тот же вечер в номере гостиницы «Москва», где остановился Жаров, раздался телефонный звонок.

– Михаил Иванович, Главное политическое управление Красной Армии посылает вас и Целиковскую на фронт. Будете рассказывать бойцам о работе над «Воздушным извозчиком».

– Мы с собой в Москву чемодан с роликами фильма привезли. Его брать? И девушка есть с аккордеоном, чтобы Люсе аккомпанировать...

– Я эти вопросы самостоятельно не могу решить. Собирайтесь и ждите повторного звонка.

Звонившему майору пришлось оббегать уйму больше-звездных начальников, пока наконец один из генералов не взял на себя ответственность и за чемодан с роликами, и за музыкантшу Риту Склярову с аккордеоном.

Премьера фильма состоялась в Малоярославце. Зал был битком набит начсоставом и штабными служащими.

Жаров и Целиковская сильно волновались: вдруг поднимут их на смех? Ведь снимали боевые вылеты не на фронте, а в воздухе над мирным алма-атинским аэродромом. Жаров в кадре сидел на месте первого пилота, но на самом деле управлял самолетом находившийся на месте второго пилота профессиональный летчик Михаил Кузнецов, а Михаил Иванович лишь держал руки на синхронно действующем

штурвале. Нет, в зале не слышно ни смеха, ни слов осуждения.

«В качестве летчика-профессионала зал меня принял, – вспоминал Жаров. – Появление Целиковской и особенно ее пение встретили такими аплодисментами, что показалось, будто где-то заухали минометы».

К часу ночи докрутили последний ролик. Грандиозный успех «Воздушного извозчика» стал неожиданностью даже для актеров. Их не отпустили – потребовали концерт. Никто не расходился до рассвета.

После ошеломляющей премьеры – перелет в Первую воздушную армию генерала М. М. Громова. И сразу же киносеанс в полку тяжелой авиации.

Летчики, как и штабисты, тоже не отпустили артистов без концерта. Под аккомпанемент Риты Целиковская пела:

В этот день, тоскливый и туманный,
Тяжело и грустно мне одной.
Где ты, мой любимый, где ты, мой желанный?
Где проходит путь твой боевой?..

Каждый из фронтовиков верил, что Люся поет о нем.

И снова перелет – в штаб Первой воздушной армии. Здесь крутили фильм в подземном клубе – большом бараке, врытом в землю. Вокруг Целиковской расселись маршал авиации Н. С. Шиманов, командующий Первой воздушной ар-

мией М. М. Громов и еще с десятков генералов. Когда фильм закончился, грохнули аплодисменты и не утихали, пока на импровизированную сцену не поднялась Целиковская и не запела.

– Бис! – закричали дружно.

– Арию! Арию! – начали скандировать.

Люся испугалась. Ведь арию в фильме «Антон Иванович сердится» пела не она, а профессиональная оперная певица Пантофель-Нечецкая. Это был единственный раз, когда за нее песню в кинофильме озвучивал другой.

– Что делать? – бросилась Люся за помощью к Жарову. – Рассказать им все?

– Нельзя их разочаровывать, они же влюблены в тебя, – здраво рассудил Михаил Иванович и принял удар на себя.

– Простите, пожалуйста, – обратился он к летчикам, выйдя на поклон. – Дорога, волнения... Люся устала, голос не звучит, арию петь трудно.

Военные не спорили, стали вновь хлопать в ладоши и кричать «спасибо!», протягивать листки с просьбой дать автограф.

Ночевали артисты в землянке, а утром, под рев взвивавшихся в небо штурмовиков, отправились ближе к линии фронта – в распоряжение истребительной авиации.

Добрались до места, когда уже вечерело. Летчики только что вернулись из боя. Не все – несколько самолетов было подбито.

– Можете выступать? – обратился к Жарову незнакомый майор.

– Сейчас?

– Конечно.

– Но ведь они только что из боя? Разве им не нужен отдых?

– Они хотят отдыхать с вами.

– Хорошо.

В наступающих сумерках Михаил Иванович и Люся сыграли комическую сценку «В роддоме», после чего стали крутить «Воздушного извозчика».

В штабе в это время не утихал телефон – артистов с ролями фильма просили прибыть в распоряжение других прифронтовых частей и даже к партизанам на оккупированной немцами территории.

После каждого выступления в армейских многотиражках появлялись восторженные отзывы. Вот один из них, под названием «Орлы, глядите – Симочка!», опубликованный в газете «Советский пилот» за 6 августа 1943 года.

«Летчики взглянули на эстраду, где стояла хрупкая белокурая девушка – живая Симочка из картины «Антон Иванович сердится»... Словно только что она сошла с полотна экрана.

Оглушительные аплодисменты наполнили зал.

Это из далекой Алма-Аты приехали в гости к нашим летчикам Михаил Жаров и молодая талантливая киноартистка Людмила Целиковская. Они привезли

летчикам замечательный подарок – новую кинокартину «Воздушный извозчик», фильм о мужестве наших соколов. В главных ролях: летчик Баранов – М. Жаров, певица Куликова – Л. Целиковская. Сеанс прошел с большим успехом. После фильма на эстраде появился заслуженный артист республики Жаров. Его роли хорошо помнят и любят наши летчики.

Артист Жаров со свойственным ему мастерством прочитал несколько рассказов Зощенко. Искренний смех вызвали у зрителей шутка в одном действии «Нервная работа» и отрывок из пьесы Вишневского «Первая Конная», исполненные М. Жаровым и Л. Целиковской. С большим чувством Людмила Целиковская под аккомпанемент аккордеона спела несколько песен».

Больше двух месяцев маленькая группа артистов колесила по летным частям, добираясь до очередного аэродрома и пешком, и на автомобиле, и по воздуху. Сопровождавший их однажды генерал Литвиненко сказал: «Считайте свою задачу боевой, артисты для солдат – тоже оружие».

Лето 1943 года Людмила Целиковская запомнила на всю жизнь. Это был посильный вклад хрупкой молоденькой женщины в защиту своей родины от нашествия захватчиков.

«Мы показывали фильм в землянках, сараях, бараках, а концерты играли днем на полянке, зачастую прерывая, так как над головой появлялись вражеские самолеты и наши зрители должны были по вызову

срочно вылетать и принимать бой иногда прямо у нас над головой. Вспоминая сейчас это тревожное, страшное, но вместе с тем прекрасное время, помню, что я как-то не ощущала страха. Может быть, виновата моя молодость, а может быть, и то обстоятельство, что как раз в это время началось бурное наступление наших войск.

Бывали и в рискованных ситуациях. Однажды, уже под вечер, поднявшись на открытом У-2, мы заблудились и опомнились только тогда, когда вокруг нас забухали зенитки противника. Как потом оказалось, мы чуть не перемахнули через линию фронта. Летчик и штурман, вижу, заволновались, а летели мы невысоко. Самолет резко повернул назад, очевидно, желая вернуться в ту часть, откуда мы вылетели. И вдруг в это самое время я увидела красный нос нашего ястребка, замаскированного в березах. От радости я вскочила на ноги и начала кричать, но ветер и шум мотора заглушали голос. Тогда я схватила палочку, искусно вырезанную и подаренную мне в одной из частей, и через щель под ногами начала стучать по сиденью штурмана. Он обернулся (повторяю, самолет был открытый), и по его радостной улыбке я поняла, что он тоже заметил нужный нам аэродром.

Лейтенант Золотарев – мы очень подружились с ним, это он вырезал для меня палочку – летал на истребителе. Мы некоторое время с ним переписывались. На последней присланной им фотографии на фюзеляже его ястребка 24 красные

звездочки, то есть 24 сбитых фашистских самолета, и он, стоящий рядом и улыбающийся. Я написала ему, что работаю над ролью Анастасии в фильме Эйзенштейна «Иван Грозный», но мое письмо осталось без ответа. Шла война, и много писем оставалось без ответа...

Мне думается, что я счастливый человек. Я перенесла все трудности и невзгоды вместе с моей родиной, с моим народом, встречалась с разными по профессии, интересными и богатыми духовно людьми. Вот эти встречи и все пережитое дали мне неизмеримое богатство и радость, научили меня не только моей профессии, но также и жизни, сформировали мое отношение к друзьям и коллегам, к искусству. И опять хочу подчеркнуть – только пережитое военное время, будь то в эвакуации, будь то на фронте, – эти годы в значительной степени определили мой нравственный ориентир, мое жизненное кредо и в оценке самой себя, и в оценке поступков, и в оценке окружающих меня людей и событий.

Мне часто вспоминаются слова В. Шукшина: «Я считаю войну нравственным ориентиром, и теперь, когда оцениваю поступки и поведение свое и кого-либо, соотношу все это с поведением тех, кто выстоял в войне».

Сверять, оценивать свои поступки... Всегда ли мы это делаем? К сожалению, за последние двадцать – двадцать пять лет люди, на мой взгляд, заметно охладели к хорошему, стали эгоистичнее, циничнее. Куда-то ушли братство, желание помочь друг другу,

доброта, милосердие».

Не только Целиковской запомнилось на всю жизнь лето 1943 года, но и многим фронтовикам, которым выпало счастье воочию увидеть свою любимую киногероиню. Спустя почти полвека после той незабываемой встречи, в 1989 году, подполковник в отставке Николай Кожевников пишет:

«Уважаемая Людмила Целиковская!

Извините, что не удосужился узнать Ваше отчество. А мне и не хотелось, если откровенно. Такое, прежнее знакомство ближе и, как память, ценнее. Знакомы Вы мне не только по фильмам, но и по одному знаменательному концерту, который проходил в большом сарае деревни Бурмакино, на Смоленщине, в августе 1943 года. М. И. Жаров объявил, что Вы не в голосе и споете «неклассическую песню». Эту песню я и сейчас иногда пою. Там есть слова:

Гад я буду, не забуду
Этот паровоз.
Тот, что чи-чи-чи-чи...
Чемодан увез.

После чего два пальца в рот и – свист! Буря восторгов.

А на следующий день фрагмент из «Первой Конной». Прямо на аэродроме, сидя на диване. У Жарова – перчатки белые с дырами на ладонях.

После этого Жаров подходил к моему самолету под

большим дубом. По дубу муравьи сделали дорожку вверх. Мы долго гадали: зачем они туда бегают?

В просторной избе был фильм «Воздушный извозчик».

– Говорят, что все для фронта, – сказал Жаров, – а как поставят фильм, так сначала в Москву. А я вам привез.

Много за войну было всякого. Но Ваш концерт в памяти в ряду самых замечательных событий».

Михаил Жаров

Он был на двадцать лет старше Люси. Родился Михаил Жаров в Москве, в семье типографского рабочего, в 1899 году. Еще мальчишкой бегал в дореволюционный «синематограф», находившийся неподалеку от дома – на Самотеке.

«Я смотрел настоящих, хотя и немых, артистов, – вспоминал Жаров, – и можно сказать, что азбуке актерского искусства я учился у них».

К сожалению, сидя или лежа на диване у «видака», современный зритель не в силах ощутить всей прелести тех примитивных, наивных и восхитительных кинолент, даже если решится просмотреть лучшие из них. Ему будет не хватать атмосферы тех лет, когда зарождался мировой кинематограф. И все же попытаемся ее представить на основе бесхитростных строк стихотворения, присланного неизвестным автором в 1911 году на конкурс в газету «Кинематограф»...

Кинемо

...Раздался звонок, и толпа на места повалила,
Смеются, гогочут, рассыпавшись шумным потоком.
Контроля агент, за билетами важно следящий,
Внимательным оком ошибку сейчас же заметит:
«С билетом четвертого места на первое лезть не
годится!»

И, строгостью этой испуган, уходит к экрану
Субъект, захотевший надуть контролера.

Толпа успокоилась. Ждут с нетерпением сигнала,
Замолкли оркестра последние звуки из зала.

Монтер с важным видом на кнопку звонка нажимает
И лампочки гасит со злобно-скучающей миной.

Прошла пианистка ускоренным шагом и быстро
Листы перевертывать стала и ноты разыскивать пьесы.
Усталой рукою аккорды взяла – поджидает.

Из будки окошка прорвался широкий и яркий
Луч света и лег на экране туманном.

«Повыше, повыше!» – кричат на местах близ экрана.

С презреньем относятся к ним сидящие сзади и в ложах.

Монтер суетливо, в окошко взглянув,
поправил ошибку мальчишки

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.